

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/OUGIAW>
УДК 821.161.1.0 + 025.173
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
76.02(4Фра)6

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.А. ТЭФФИ В ГАЗЕТНОМ КОНТЕКСТЕ: «СВОБОДНЫЕ МЫСЛИ» (ПАРИЖ, 1920–1921)

© 2025 г. Д.Д. Николаев

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 12 июня 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 01 ноября 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-406-433>

Аннотация: В статье анализируются произведения Н.А. Тэффи, опубликованные в 1920–1921 гг. в парижской газете «Свободные мысли». Выявляется, насколько Тэффи следует традициям, заложенным при ее сотрудничестве в газете «Свободные мысли» в Петербурге в 1907–1908 гг., и как она реагирует в своем творчестве на текущие события. Произведения Тэффи исследуются как в контексте газетных публикаций, так и в более широком литературно-публицистическом и историческом контексте. В первых номерах Тэффи продолжает придерживаться установки на «беллетризацию» актуальной новостной тематики, на создание художественных образов, а не прямой публицистики. Но начиная с пятого номера публицистическое начало в произведениях Тэффи преобладает, определяющей становится общественно-политическая злободневность. Отождествление и одновременно различение авторского «я» и первого лица становится одной из важных особенностей поэтики Тэффи в первые годы эмиграции. До революции самоирония скорее помогала слиянию авторского и повествовательного «я», в эмиграции сарказм мешает такому отождествлению.

Ключевые слова: Тэффи, фельетон, литература эмиграции, русский Париж, «Свободные мысли», комическое, сатира, публицистика.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: Николаев Д.Д. Произведения Н.А. Тэффи в газетном контексте: «Свободные мысли» (Париж, 1920–1921) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 3. С. 406–433. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-406-433>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 3, 2025

N.A. TEFFI'S WORKS IN THE NEWSPAPER CONTEXT: *SVOBODNYE MYSLI* (PARIS, 1920–1921)

© 2025, Dmitry D. Nikolaev

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 12, 2023

Approved after reviewing: November 01, 2023

Date of publication: September 25, 2025

Abstract: The article analyzes the works of N.A. Teffi, published in 1920–1921 in the Paris newspaper *Svobodnye Mysli*. Teffi followed the traditions laid down during her collaboration in the *Svobodnye Mysli* in St. Petersburg in 1907–1908, and at the same time changed her works, reacting to current events. The article examines Teffi's works both in the context of newspaper publications and in a broader literary, journalistic, and historical context. In the first issues, Teffi continues to “fictionalizing” current news topics, creating fiction images, and not direct journalism. But starting from the fifth issue, the publicist intention prevails in Teffi's works published in the *Svobodnye Mysli*. Identification and at the same time distance between the author's “I” and the first person's voice become one of the important features of Teffi's poetics in the first years of emigration. Before the revolution, self-irony rather helped to merge the author's and narrative “I,” and in emigration sarcasm prevents such identification.

Keywords: Teffi, feuilleton, literature of emigration, Russian Paris, *Svobodnye Mysli*, comic, satire.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, D.D. “N.A. Teffi's Works in the Newspaper Context: ‘Svobodnye Mysli’ (Paris, 1920–1921).” *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 3, 2025, pp. 406–433. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-406-433>

История творческого пути Н.А. Тэффи — это во многом история ее сотрудничества с крупнейшими газетами — сперва российскими, а затем русского зарубежья. Газеты всегда, когда было возможно, являлись основным «местом работы» писательницы, а изначальная ориентация большинства прозаических произведений на газетный формат определила особенность ее стиля и специфику жанровой формы «миниатюры», в которой Тэффи достигла художественных вершин в литературе.

Тем не менее сотрудничество Тэффи с конкретными газетами редко привлекало внимание исследователей. В 1999 г. в сборнике «Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века» опубликована моя статья «Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии» [5], в которой, в частности, рассматривались публикации в пражских газетах «Огни» 1921 г. и 1924 г. Там же помещены статья Е.Г. Домогацкой «“В наше время для многих нормальнее умереть, чем жить”: Н.А. Тэффи и русский Париж в 1945–1947 гг. (по материалам газеты “Русские новости”)» [1] и подготовленная ей публикация «Тэффи в газете “Русские новости” (1945–1947)» [12]. В 2000 г. в качестве вступительной статьи к пятому тому собрания сочинений Тэффи была помещена статья «Веселая карусель (Н.А. Тэффи в “Русском слове”)» [3]. В 2005 г. в Москве Н.В. Рыбинская защитила кандидатскую диссертацию на тему «Н.А. Тэффи — публицист газеты “Последние новости”: 1920–1940» [8]. Из других публикаций, связанных с сотрудничеством Тэффи в газетах, следует назвать подготовленные С.И. Князевым сборники, включившие, в частности, рассказы и фельетоны Тэффи из газет 1917–1919 гг. [17; 18].

Разумеется, большинство работ о Тэффи не обходится без упоминаний газет, да и в общих работах по литературе русского зарубежья регулярно называется одна из газетных ее публикаций — рассказ «Ке фер?», напечатанный в первом номере парижской газеты «Последние новости» 27 апреля 1920 г. (с. 2).

Сотрудничество Тэффи в парижских изданиях 1920 — начала 1921 г. — одна из самых интересных страниц ее биографии. Произведения этого периода в целом мной уже рассматривались [4; 7], но преимущественное внимание уделялось публикациям Тэффи в газете «Последние новости» — там ее произведений опубликовано больше, чем в другой русской парижской газете, которая начала выходить в 1920 г., — «Свободные мысли».

Публикации Тэффи в парижских «Свободных мыслях» — это всего несколько месяцев осени 1920 г. [13] и два номера в декабре 1921 г. [14], но они требуют детального рассмотрения, поскольку на страницах этой газеты мы видим иную Тэффи, чем в «Последних новостях» 1920 г. или позже — в «Звене», «Сегодня», «Возрождении» и вновь «Последних новостях» — газетах, с которыми писательница наиболее тесно сотрудничала в эмиграции.

Особые взаимоотношения Тэффи с «Свободными мыслями» определялись давним знакомством с редактором И.М. Василевским (Не-Буквой) и давним опытом работы в его газетах. Василевский постоянно стремился подчеркнуть, что парижские «Свободные мысли» являются преемником «Свободных мыслей», издававшихся в России. На эту связь должна была указывать даже продолжающаяся нумерация в скобках. Первый номер газеты, вышедший в Париже 20 сентября 1920 г., был еще и № 1424, если считать с момента основания издания в Петербурге в 1907 г.

В 1907 г. Василевский развивал новый формат еженедельной газеты-«понедельника», который он в 1920 г. пытался воссоздать в эмигрантских условиях. Можно сказать, что у Василевского по печати была газета, а по содержанию — скорее еженедельный журнал, который строился на подчеркнuto авторских оценках происходящего в политике, общественной жизни, искусстве, литературе и в котором ключевую роль играла не информация, а интерпретация, причем в значительной степени через призму комического. Большая часть каждого номера отводилась под «авторские» художественные и художественно-публицистические тексты, а центральное место в «Свободных мыслях» 1907–1908 гг. занимала рубрика «Маленький фельетон» [15; 16].

В те годы Тэффи регулярно печаталась в «Свободных мыслях», начиная с № 1, вышедшего 21 мая (3 июня) 1907 г. На второй странице там помещено ее стихотворение «Рыцарь». Среди других авторов первого номера были Гр. Петров, О.Л. Д'Ор, П.М. Пильский, Н.Г. Шебуев, О.И. Дымов, Л.М. Василевский, А.С. Рославлев, В.Е. Жаботинский, С. Горный и т. д. Впоследствии к ним добавились П.Д. Боборыкин, А.Н. Будищев, А.А. Измайлов, Д.С. Мережковский, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, К.И. Чуковский, Скиталец, Саша Черный, Д.М. Цензор, С.М. Городецкий, А.Т. Аверченко и др., т. е. в одном издании удалось собрать писателей, связанных с разными журналами и ежедневными газетами.

Не станем здесь перечислять все стихотворения, рассказы и фельетоны Тэффи, впервые появившиеся на страницах «Свободных мыслей» в 1907–1908 гг., — назовем лишь такие хорошо известные ее произведения, как «Страшный прыжок» (1907. № 4. 11 (24) июня. С. 2), «Модный адвокат» (1907. № 3. 4 (17) июня. С. 2–3), «Новый циркуляр» (1907. № 6. 25 июня (8 июля). С. 3), «Переоценка ценностей» (1907. № 19. 24 сентября (7 октября). С. 2) и «Карьера Сципиона Африканского» (1907. № 30. 10 (23) декабря. С. 2).

После того как «Свободные мысли» были запрещены, Василевский выпускал газету под другими названиями, а затем после достаточно длительного перерыва возобновил издание в 1917 г. В Париже структура газеты в большей степени напоминает как раз «Свободные мысли» 1917 г. Под новостные сообщения отводится вся первая полоса, большая часть четвертой и — фрагментами — третья. Василевский надеялся на постепенное превращение «Свободных мыслей» из еженедельного в ежедневное издание, а потому традиционные газетные рубрики было необходимо вводить и развивать. Кроме того, если бы он и хотел ориентироваться исключительно на литературный и публицистический материал, в Париже в 1920 г. просто не было такого количества писателей, как в Петербурге в 1907 г.

И все же по именам сотрудников «Свободные мысли» 1920–1921 гг. — самое представительное из эмигрантских периодических изданий того времени, причем речь идет не только о газетах, но и о журналах. Там печатались Дон-Аминадо, Л. Галич, Н.М. Минский, В.И. Горянский, К.Д. Бальмонт, А.И. Куприн, Бор. Мирский, А.Т. Аверченко, А.М. Дроздов, И.А. Бунин, Саша Черный, С.А. Соколов-Кречетов, Игорь Северянин, А. Даманская,

Д.С. Мережковский — в роли интервьюируемого, А.Н. Толстой, Н.В. Крандиевская и др. Плюс, конечно, сам Василевский. Обратим внимание, что среди авторов — не только «парижане», но и Аверченко, Северянин, Даманская, находившийся тогда в Петрограде Н. Анциферов и другие «иностранцы» авторы.

С парижскими «Свободными мыслями» — как и с петербургскими — Тэффи сотрудничает с первого же номера, где печатается рассказ «Две встречи». В газете постоянно — и в данном случае тоже — в подзаголовках используется жанровое определение «фельетон», но мы в дальнейшем будем опираться не на редакционную формулировку, а на жанровую реальность текста. И с этой точки зрения «Две встречи» Тэффи — единственный рассказ, напечатанный в первом номере газеты. Жанр произведения важен еще и потому, что сама Тэффи в дальнейшем будет печатать в «Свободных мыслях» преимущественно очерки и фельетоны, в которых определяющей чертой станет злободневность — причем злободневность не «житейская», а общественно-политическая.

Структурно вторая полоса, на которой помещен рассказ Тэффи, разделена на две части. В верхней напечатаны стихотворение Дон-Аминадо «Сор», которое визуально открывает полосу, статья Галича «Грядущее», фельетон самого Василевского «Усы Ллойд-Джорджа» и стихотворение Минского «Над газетой». «Подвал» почти равен по объему верхней части и структурирован схожим образом. Слева вверху — два стихотворения Бальмонта — «Предвзвешение» и «Примирение». Затем «фельетон» Тэффи и «трагический водевиль в одном действии» Куприна «Дядюшкин подарок, или Руки вверх, карманы наружу», переходящий на третью страницу.

Два произведения в верхней части объединены одной концептуальной идеей. Центром здесь является статья Галича, которая начинается с цитаты из Менделеева: «Менделеев как-то сказал: “Россию погубила литература”». Стихотворение Дон-Аминадо тоже о том, как «Пили красное вино — // И искали Незнакомок. // Возносились в облака. // Пережевывали стили. // Да про душу мужика // Столько слов наворотили» [13, № 1, с. 2].

Рассказ Тэффи «Две встречи» — это не только две встречи героев, Андрея Николаевича и Ирины Петровны, но и две наши — читательские — встречи с героями. И от читательского взгляда на текст в значительной степени зависит интерпретация произошедших с героями перемен. Рез-

кое изменение к лучшему сейчас кажется искусственным, неоправданным. А пафос, связанный с призывом Андрея Николаевича: «строить молодую Россию должны мы сами, вот этими руками» [13, № 1, с. 2], — побуждает увидеть в изображении сатирические черты. К этому подталкивает нас и Тэффи, придумывающая невероятное по бессмыслице «общество для электрификации приваршавских водопадов», в которое приглашен герой: «Работы масса, дело глубоко патриотическое. У нас две пишущие машинки, и вообще... Конечно, правительство должно оказать нам самую широкую помощь. Но разве у нас что-нибудь разумное делается!» [13, № 1, с. 2].

Однако на фоне позитивных в целом новостей, которыми открывался номер, оптимизм Андрея Николаевича не казался столь вызывающим, как спустя несколько лет в контексте сборника «Рысь», в который был включен рассказ¹ [19]. Умонастроения второй части вполне соответствуют политическим и военным изменениям, произошедшим со времени части первой, где речь идет о лете, о русском «дачном сезоне», т. е. о том времени, когда большевики находились в шаге от победы в войне с Польшей. И пессимизм прошлого Андрея Николаевича: «Кончено! Умерла Россия. Продали, пропили. Кончено!» [13, № 1, с. 2] — был столь же оправдан, как и оптимизм нынешнего.

Во втором парижском номере «Свободных мыслей» (№ 1425 от основания), вышедшем 27 сентября, произведений Тэффи нет, а центральной публикацией является открытое письмо к редактору газеты «Таймс» Бунина «Суп из человеческих пальцев». А в № 3 (1426) 4 октября публикуется ее «Сказочка» (с. 2). Действие «Сказочки» происходит во Франции, но все персонажи, кроме одного, русские. Да и о том, что в это время творится в России, герои Тэффи не забывают. Оказавшийся в лесной чаще мальчик Гриша встречает человека:

Странный такой — голенький. Загорел весь, совсем бурый стал, ноги мохнатые, будто шерстяные чулочки повыше колен натянул. Волосы надобом двумя мохрами взбиты, губы толстые. Смотрит на Гришу и так весь от смеха внутри себя дрожит. Видеть невозможно, до того самому смешно делается [13, № 3, с. 2].

1 В сборник Н.А. Тэффи «Рысь» (Берлин: Отто Кирхнер, 1923) вошли несколько произведений из числа впервые опубликованных в «Свободных мыслях».

Говорит человек по-русски, но он не русский, он — «всяческий». «Человечек» — вылитый бесенок, но Тэффи так его не называет, зато появляющаяся вскоре представительница русской нечистой силы названа по имени. «Родственница ко мне пожаловала. Из России. Беженка. Ничего я не понимаю, что ей нужно. Прямо беда. Поговори ты с ней — может, столкуетесь» [13, № 3, с. 2], — просит человек Гришу и обещает вывести того взамен из лесу.

Вторая часть «сказочки» связана с появлением Баба-Яги и ее рассказом о происходящем в России: «Всю фамилию нашу ликвидировали. Капут! Кощей Бессмертного в Лондон повезли Европе показывать, что, мол, и при нашем режиме не все помирают. Мальчик с пальчик, проныра, в контрразведку пошел. Конька-Горбунка в Москве на разговенах съели, Спящая Красавица в Совнарком на телефоне сидит. Болотные черти все в хор пошли, на ихнем клиросе поют. Многие требуют, чтобы когда венчают вокруг ели, так чтобы черти пели, — ну вот, зарабатывают. Змей Горыныч уж на что твердый был — соблазнился! В Чрезвычайку пошел мертвыми костями заведовать. Кикимора по государственной эстетике пошла, Оборотень сдох, двадцать раз в минуту переворачивался и то не потрафил. Мне, говорит, за ними все равно не поспеть, и сдох» [13, № 3, с. 2].

То, что даже черти ничего не могут понять в развернувшемся в России действе, — это одна сторона созданной Тэффи картины. Но есть и другая. Многие противники большевиков прямо отождествляли их с нечистой силой. Так, например, поступал Аверченко, назвавший один из сборников произведений периода Гражданской войны «Нечистая сила». Но в «сказочке» Тэффи мы видим иное: здесь нет разницы между положительными и отрицательными сказочными героями, если судить по их отношению к революции и отношению революции к ним. Погибают и бегут и чистые, и нечистые: Баба-Яга в эмиграции, Оборотень сдох, Конька-Горбунка съели. И точно так же и те, и другие идут на службу к большевикам: Змей Горыныч — в Чрезвычайку, Спящая Красавица — в Совнарком, Мальчик с пальчик — в контрразведку.

Прошлое и настоящее сталкивается в номере и в произведениях других авторов — стихотворении Дон-Аминадо «30 сентября (17-IX-20)», миниатюре Аверченко «Бал у графини», стихотворении Горянского «Матрена у Эйфелевой башни», которое напечатано перед «Сказочкой» Тэффи

и прямо перекликается с ней. Но Горянский отвергает Матрену, которой все равно где «ходить за детьми Его Сиятельства — на Невском Проспекте или на — Этуали» [13, № 3, с. 2]. Он упрекает и обвиняет, противопоставляя не столько былое и нынешнее, сколько русское и французское:

Взором белесым блуждая-путая,
Кривится Матрена улыбкой рабьей...
Русь! Не твоя ли судьбина лютая
Глянула на меня мордой бабьей?.. [13, № 3, с. 2]

Тэффи же в своей «Сказочке», напротив, фактически отрицает связь происходящего в России с какими бы то ни было национальными особенностями. Баба-Яга бежит во Францию, а большевикам служат французские «по происхождению» Спящая красавица и Мальчик с пальчик. Нет никакой прямой связи не только с «репутацией» сказочных персонажей, но и с их «происхождением».

В какой-то степени ответом Горянскому становится и фельетон Тэффи «Ностальгия», опубликованный 11 октября в № 4 (с. 2). В дальнейшем этот текст печатался под названием «Тоска по родине». Отличительной чертой произведения является стихотворная форма — редкость для фельетонов Тэффи периода эмиграции. Еще одна особенность «Ностальгии» — несовпадение авторской позиции и позиции говорящего.

Чаще всего в произведениях, написанных от первого лица — будь то стихи или проза, — Тэффи, наоборот, предлагала сближать рассказчицу с автором. За «я» повествователя легко угадывалась сама Тэффи — точнее, ее авторский образ, складывавшийся на протяжении многих лет. Читатель верил, что позиция говорящего — в том случае, если он не был специально «отделен» от автора именем, профессией, гендером и пр., — и есть позиция Тэффи. И это характерная черта фельетона как жанра, требующего чаще всего прямого выражения авторской позиции либо столь же декларативно-иронического/саркастического саморазоблачающего заявления от имени явно отделенного от автора высказывающегося-персонажа.

В «Ностальгии» нет явного различия высказывающегося и Тэффи, но они и не могут быть отождествлены, поскольку финальная часть текста раскрывает иронический характер всего высказывания:

Я сегодня с утра несчастна:

Прождала почты напрасно,
Пролила духов целый флакон
И не могла дописать фельетон.
От сего моя ностальгия приняла новую форму
И утратила всякую норму,
Et ma position est critique.
Нужна мне и береза, и тверской мужик,
И мечтаю я о Лобном Месте —
И всего этого хочу я вместе!
Нужно, чтоб утолить мою тоску,
Этому самому мужику,
На этом самом Лобном Месте
Да этой самой березой
Всыпать, не жалея доброй дозы,
Порцию этак штук в двести...
Вот. Хочу все вместе! [13, № 4, с. 2]

Э. Хейбер полагает, что стихотворение «Ностальгия», которое она в своей монографии называет «Тоска», — «редкий пример того, как Тэффи позволяет себе разоткровенничаться» [9, с. 177; 10, с. 105]. Но уравнивать автора и «лирического героя» этого произведения невозможно: явно сатирический характер изображения высказывающегося подчеркивается и жанровым подзаголовком, и стилистикой произведения. Ну и, наконец, необходимо учитывать позицию «Свободных мыслей», стремившихся противодействовать тем кругам русской эмиграции, которые «мечтали всех высечь».

Это отождествление и одновременно различие авторского «я» и первого лица становится одной из важных особенностей поэтики Тэффи в эмиграции. До революции самоирония скорее помогала слиянию авторского и повествовательного «я», в эмиграции сарказм мешает такому отождествлению. И наиболее ярко в 1920 г. это проявляется именно в «Свободных мыслях», а не в «Последних новостях».

Можно сказать, что в первых номерах парижских «Свободных мыслей» Тэффи в большей степени стремится соответствовать прежнему, рос-

сийскому «формату» газеты, чем редактор Василевский. Она продолжает придерживаться установки на «беллетризацию» актуальной новостной тематики, на создание художественных образов, а не прямой публицистики. Но начиная с пятого номера публицистическое начало в произведениях Тэффи, опубликованных в «Свободных мыслях», преобладает. Это уже фельетоны с непосредственно звучащим авторским голосом, не скрытым за маской или персонажем. Более того, некоторые из произведений стоят ближе к очерку, чем к фельетону (в современном жанровом понимании), поскольку комический элемент в тексте сведен к минимуму.

Если в «Ностальгии» знак равенства между высказывающимся и автором ставить нельзя, то в фельетонах «Радуются» (№ 5), «Генерал и неизреченное» (№ 6), «Очередной голубчик» (№ 7) и т. д. авторский голос Тэффи является определяющим. Ярко выраженная публицистичность, максимально приближенная к политической «конкретике момента», в целом нехарактерна для творчества Тэффи. Но в «Свободных мыслях» мы читаем не совсем обычную Тэффи — и обусловлено это, на наш взгляд, особенностью контекста — и конкретно-газетного, и исторического. Еще в 1907–1908 гг. Василевский исходил из того, что объективированные «журналистские рассуждения» недостаточно привлекательны для читателей, ищущих эмоционального отклика. Он сделал ставку на субъективность, и реагировать на происходящие события приходилось не журналистам-обозревателям, а писателям. А осень 1920 г. — это время падения Крыма и Врангелевской эвакуации, время, когда рушились надежды на восстановление России и на скорое возвращение на родину.

Опубликованный 18 октября фельетон «Радуются» не просто соответствует эволюции взглядов «Свободных мыслей», но и во многом ее определяет. Хотя Тэффи и не говорит здесь о войне напрямую, она пишет о том, что в гражданской войне русские в любом случае терпят поражение, поскольку взаимная борьба на уничтожение — борьба во многом самоубийственная:

Мы теперь закалились, получили политическое воспитание и развились в нас чрезвычайный патриотизм. На русских нам наплевать. Россия нам нужна, а не русские.

Не все ли нам равно, что наступающей зимой без топлива и хлеба погибнет половина близких наших, а дети пожалуй и все поголовно? Мы гово-

рим: тем лучше, тем лучше — скорее все это кончится и восстановится Россия. Россию любим, о России тоскуем и Россию хотим.

— Чтобы опять в рестораны ходить [13, № 5, с. 2].

В произведениях 1920 г. Тэффи часто использует местоимение «мы». Она подчеркивает таким образом, что говорит от имени русских эмигрантов в Париже, что отраженная в тексте точка зрения — обобщение. Но в то же время Тэффи может и противопоставлять себя «мы», как в данном случае. Каждый читающий текст — как и автор — захочет исключить себя из числа «мы», которым Россия нужна, только «чтобы опять в рестораны ходить». И в финале фельетона появляются другие «мы» — противостоящие всем, кто готов убивать и радоваться смерти других:

Пусть радуются — это их дело.

А мы — слабые и нежные — мы будем плакать.

Это наше дело [13, № 5, с. 2].

Грань между «мы» и «они» в этом фельетоне нарочито тонкая, и она фиксируется уже формой глагола в названии «Радуются», предполагающей противопоставление «мы» и «они». Они радуются, но мы радоваться тому, что уничтожаются русские люди, не можем.

С фельетоном Тэффи оказывается удивительно созвучен опубликованный на той же странице рассказ Аверченко «Развороченный муравейник». Один из персонажей Аверченко отмечает на карте мира, где кто находится из его родственников. У собеседника все оказывается проще:

— Да что ж рассказывать... Они, кроме меня, все вместе: все 9 человек.

— Ну, слава Богу, что вместе.

— Вы думаете? Они на Новодевичьем кладбище в Москве рядышком лежат [13, № 5, с. 2].

Конкретные лица становятся героями фельетона Тэффи «Генерал и неизреченное», опубликованного 25 октября в № 6. Это Пилсудский и Мережковский, причем последний выступает не как писатель, а в роли, которую он хотел играть в 1920 г., — общественного деятеля. Тэффи отталкива-

ется не от политического события, а скорее от публицистического. В первом и втором абзацах сталкиваются литературный талант и политические выступления:

Литературный талант и творческое воображение — это, конечно, огромная сила. Но если силу эту применить, например, для жаренья телятины, — то результаты получатся не блестящие.

Политические выступления Д. Мережковского утвердили меня в этом мнении окончательно, так как современную политику считаю я делом столь же прозаическим и хозяйственным, как и жаренье телятины.

Талантливейший писатель, поэт и мистик кинулся, перекрестясь (конечно), в водоворот, захлебнулся и — увы — кажется пошел ко дну.

Мережковский беседовал с Пилсудским.

Мы Пилсудского знаем. Знаем, что он польский патриот... <...> Из этого мы можем вывести, что польский патриот Пилсудский враг России всяческой, и белой, и красной, и всех прочих цветов спектра, воевал против России монархической, против России демократической и против России советской. То есть не против прилагательных, а против существительных — всегда против России [13, № 6, с. 2].

В № 7 Тэффи публикует фельетон «Очередной голубчик». Он печатается сразу за фельетоном Василевского «Эмигрантская злость». «Очередным голубчиком» является генерал Балахович — в описании Дмитрия Философова. А сам фельетон — в какой-то степени продолжением фельетона «Генерал и неизреченное». В тексте много цитат, что редко встречается в произведениях Тэффи. Она сталкивает между собой фрагменты из восторженной статьи Философова и высказывания самого Балаховича, взятые со страниц газеты «Свобода»:

Философову — Балахович понравился. Мне — не особенно.

Наши русские политики всегда говорят о героях момента:

— Да, он, конечно, гм... Но все равно: Он честен и хорош, потому что он нам нужен.

Но я не политик.

И я о герое думала бы иначе.

Я бы думала:

— Он нам нужен, потому что он честен и хорош [13, № 7, с. 2].

8 ноября в восьмом номере газеты печатается фельетон Тэффи «Валяют» (с. 2). Название его прямо перекликается с названием фельетона «Радуются», но здесь уже нет сложного взаимопроникновения понятий «мы» и «они». Местоимение «мы» Тэффи использует лишь раз — в вводной части фельетона, — и во втором предложении этого же небольшого абзаца оно скорее сталкивается, чем сливается с авторским «я».

Тэффи выступает против того, что называется «общественная совесть», выделяя среди русских парижан новый человеческий тип:

Каждый день на арене нашего цирка вялые, сытые звери валяют какого-нибудь недогрызенного христианина или нехристианина.

Валяют устно, печатно, как попало — лишь бы валять.

Выработался даже особый тип — «общественная совесть». Ходит такая «совесть» по знакомым и по редакциям, ходит и врёт:

— Слыхали? Некий Бунаков, скрывающийся под кличкой Фундаминский, свирепствует в одесской чрезвычайке?

— Слыхали? Писатель Немирович, состоящий на службе у большевиков, арестовал Данченку и довёл несчастного до психического расстройства.

— Слыхали? Горький оказывается вовсе и не писатель. Он, оказывается, всю жизнь занимался скупкой краденого. Тем и известность приобрёл. Отличается от Арсена Люпена только тем, что Арсен Люпен — вор-джентльмен, а Горький — вор-не джентльмен [13, № 8, с. 2].

В выстроенном ряду вранья, как мы видим, соседствует и предельно абсурдное и явно вымышленное обвинение в адрес Немировича-Данченко, и немного гиперболизированное, но основанное на звучавших в эмигрантской прессе публикациях обвинение в адрес Горького, якобы скупающего награбленные большевиками книги и предметы искусства.

Для Тэффи «валяющие» хуже убийц — во всяком случае, если исходить из использованных параллелей с миром животных: уж лучше бы оставался «человек человеку волк» — это, по крайней мере, «естественно и честно»:

Теперь мы отошли дальше от природы. Я это вижу ясно, наблюдая русско-парижский быт.

Волков не видно. Не видно горящих глаз, сильных лап, раскрытой пасти, смелого звериного желания.

Нет. Косят вылинялые глазки, дрожат руки, поджимаются губы.

Сыты, что ли?

Вспоминаю у одного из древних писателей описание цирка, когда святая Бландина с толпой христиан была отдана на растерзание тиграм.

«Звери были сыты и не ели мучеников, а только волочили и валяли их тела по арене...» <....> «И зрители, — продолжает автор, — усталые и скучающие, настойчиво требовали смерти».

Правильным звериным инстинктом зрители постигали, что терзать и жрать можно, а валять без толку — омерзительно и скучно.

Природа велит — уничтожать для сохранения собственного рода и вида. А «валять» — это уж нечто совсем бесцельное, бесполезное и скверное. А для посторонних зрителей — скучное [13, № 8, с. 2].

Третий фельетон Тэффи с той же моделью названия — «Уважают» — публикуется в № 9 15 ноября (с. 2). На этот раз она пишет не об эмиграции, а о происходящем в Советской России. И название носит саркастический характер: ни о каком подлинно уважительном отношении большевиков к актерам речь не идет. Здесь «мы» и «они» противопоставляются как эмигранты / большевики. Мы — те, кто живет за границей и судит о происходящем в России по приходящим оттуда слухам:

Нам говорили:

— Искусство в большом почете у большевиков. Актеров уважают, как нигде!

Еще говорили:

— Всем, конечно, живется скверно. Всем, кроме актеров. У них особые пайки, их кормят, им покровительствуют и главное — их уважают!

И мы думали:

— Вот ведь счастливые! Прямо какой-то маяк среди кровавого моря [13, № 9, с. 2].

Они — это большевики, «очень часто, после концертов или литературных вечеров» вызывающие исполнителей на допрос.

«Валяют» и «Уважают» в какой-то степени предвосхищают статью «Несколько слов английскому писателю» И.А. Бунина, опубликованную в «Общем деле» 24 и 25 ноября (№ 132. С. 2; № 133. С. 2) [11, с. 83–90]. Если в фельетоне «Валяют» Тэффи фактически заступалась за Горького, которого обвиняли в поддержке большевиков и против которого постоянно выступал в «Общем деле» (а однажды и в «Свободных мыслях») Бунин [6], то здесь она, хотя вновь косвенно, защищает другую знаменитость, о которой писал Уэллс, — Шаляпина:

И вот приезжают и рассказывают:

— Конечно, актерам живется сравнительно великолепно. Многие даже зазнались. Шаляпин, например, за какой-то концерт заломил пуд крупы, два куса мыла и банку варенья. Ну его, конечно, осадили. Действительно, хамство. Нашел тоже время! [13, № 9, с. 2].

В этом «сравнительно» — напоминание эмигрантам о том, что нельзя судить оставшихся в России по меркам сравнительно спокойной и благополучной эмигрантской жизни.

В финале фельетона «мы» уже не относится ко всем эмигрантам и точно не включает автора. Те, кто верит пустым разговорам и даже завидует оставшимся в России актерам, называются теперь иначе — обыватели:

Актеры стоят навтыжку и обещают быть благоразумными.

Им выдают по фунту клейковины или какого-нибудь глинозему — хочешь жуй, хочешь плюй — и отпускают до нового выступления.

Обыватели завидуют:

— Вот кому хорошо живется!

Вот уж действительно сумели устроиться! Актеры-то первые люди в государстве! Им и пайки, и почет, и чего-чего только нет. Всем так скверно живется, а вот актеров уважают.

Да уж тут не поспоришь — именно уважают! [13, № 8, с. 2].

Парадоксальным образом Тэффи, защищая актеров, которых упрекали за сотрудничество с большевиками, на самом деле резче и жестче изображает жизнь в Советской России, чем критики Горького и Шалапина. Потому что при противопоставлении сотрудничающих и не сотрудничающих создавалось впечатление, что хотя бы часть актеров, писателей, ученых и т. п. живет достаточно хорошо, что принявших советскую власть — уважают! Тэффи же показывает, как унижают даже тех, кто готов сотрудничать и имеет мировую славу.

В № 9 политические новостные материалы связаны с эвакуацией Крыма. Газета сообщает, что пароход «Цесаревич Георгий» уже прибыл из Севастополя в Константинополь, что генерал Врангель покинул Севастополь на французском броненосце, что военные авторитеты считают положение армии Врангеля безнадежным, а «единственная возможность спасти армию — биться до последней возможности и ожидать либо подхода союзного флота, либо чуда» [13, № 9, с. 1].

«Если Врангель погиб... Мы не знаем погибло ли и дело Врангеля. Но уже настал тот момент, когда следует допустить возможность полного провала в Крыму и спросить себя: “Что же дальше?”» — так начинается передовая статья, озаглавленная «Дни траура» [13, № 9, с. 1]. Редакция «Свободных мыслей» готова признать не только силу, но и правоту большевиков:

Для большевиков открывается новая эра триумфа и работы. <...>

Большевики оказались сильнее, чем изображали их мы, эмигранты, да и вся мировая буржуазия.

Развал, голод, болезни, народные восстания, враждебное отношение крестьян — все это звучит очень хорошо. Но если несмотря на все это они разбили Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля, — то тем больше у них права думать, что в их идеях есть какая-то внутренняя сила, смеющаяся над препятствиями. Для Европы вывод вытекает сам собой: удвоенная, учетверенная опасность для Румынии, Польши, Германии... [13, № 9, с. 1].

Раздел «Положение Врангеля» открывается сообщением о том, что «вывезти всех желающих едва ли удастся, однако отъезд гарантирован всем, наиболее скомпрометированным в глазах большевиков» [13, № 9, с. 1]. Но

в рассказе о беженцах, помещенном под шапкой «В Крыму», происходящее интерпретируется иначе: само слово «беженцы» в тексте берется в кавычки и отмечается, что «энергично грузятся» на зафрахтованные заранее шхуны коммерсанты [13, № 9, с. 1].

Оптимизм выражает лишь неназванный (а возможно и несуществующий) общественный деятель, фрагмент беседы с которым помещен под заголовком «Политическое положение». «Врангель напрягал все силы для того, чтобы отразить тот натиск, который в данный момент превратился в непоправимую катастрофу. Можно, однако, с уверенностью сказать, что падение Врангеля — еще не обозначает собой окончательного торжества советской России, — утверждает аноним. — Падение Врангеля — должно представлять собой лишь изменение тех форм, в которых будет продолжаться борьба с большевиками» [13, № 9, с. 1].

Поскольку «Свободные мысли» выходили раз в неделю, в издании не было возможности реагировать на происходящее оперативно, как это делали ежедневные газеты, хотя новостные сообщения и собирались обычно в последний момент. Поэтому о падении Крыма Тэффи смогла написать только для следующего номера, который вышел 22 ноября.

«Страшно думать о том, что сейчас делается в Крыму», — так начинается очерк Тэффи, опубликованный в № 10 и озаглавленный «Так» [13, № 10, с. 2]. Этот очерк можно назвать «криком души» — редакционный подзаголовок «фельетон» кажется неуместным, поскольку даже с формальной точки зрения текст Тэффи — скорее передовая статья, которая звучит явным вызовом тому, что писалось в дни падения Крыма об эвакуации и в эмиграции, и в Советской России.

Название очерка побуждает вспомнить о названии сборника юмористических рассказов Тэффи 1912 г. «И стало так...» и об очерке «Человекообразные» — предисловии ко второй книге «Юмористических рассказов» (1911), в котором она цитировала Библию:

Вот как началось.

«Сказал Бог: сотворю человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Бытие 1, 26).

И стало так. Стал жить и множиться человек, передавая от отца к сыну, от предков к потомкам живую горящую душу — дыханье Божие.

Вечно было в нем искание Бога и в признании, и в отрицании, и не меркнул в нем дух Божий вовеки [20, т. I, с. 94].

Пока в газетах рассуждали о военных и политических последствиях происходящего, Тэффи призывает подумать о людях — тех, кто не смог эвакуироваться и остался в Крыму. Руководители белого движения и большевиков, деятели эмиграции и европейские политики для нее в одном ряду — рядом тех, кому нет дела до простых людей, до обычного человека.

Тэффи вновь пишет от первого лица: она использует оба местоимения — и теперь «я» и «мы» нераздельно слиты. Она говорит и от имени тех, кто остался в России, и от имени тех, кто оказался в эмиграции.

На соседней странице В.И. Рындзюн (под псевдонимом Д. Денисов) пишет о «третьей России» и о том, что «единственно-реальное, что осталось в наших обворованных душах — ненависть» [13, № 10, с. 3]. А Тэффи показывает, что в душах остается не ненависть, а сострадание. Хотя и утверждает, казалось бы, обратное, подтверждая своим признанием — исключительным в ее творчестве — исключительность происшедшего: «Сегодня у меня в душе столько тоски и столько злобы, что хочу говорить правду до самого дна» [13, № 10, с. 2].

В первом рассказе Тэффи, опубликованном в 1920 г. в «Последних новостях», русский генерал-беженец, выйдя на Плас де ла Конкорд, спрашивал: «А вот... ке фер? Фер-то ке?» [18, т. 3, с. 126]. Теперь русские эмигранты задают другой, но схожий по смыслу вопрос:

Я знаю, — ходят сегодня по Парижу с перекошенными лицами и спрашивают друг друга:

— Что же теперь будет дальше? [13, № 10, с. 2].

Эмигранты не ведают, что будет, поскольку аксиомы, на которых зиждилось ранее беженское бытие, оказались опровергнуты. Но Тэффи готова открыть читателям горькую истину. Она знает, что будет, и в отличие от тех, кто пытается заменить прежние иллюзии новыми, не испытывает ни малейшего оптимизма:

До сих пор все держалось на четырех китах. Устойчиво!

- 1) Большевики не могут занять Крыма.
- 2) Европа окажет помощь против большевиков.
- 3) Европа не может существовать без России.
- 4) Большевики не могут существовать без войны [13, № 10, с. 2].

И вот — от этих китов ничего не осталось или скоро ничего не останется: «Первый кит съеден большевиками»; «В том, что Европа окажет помощь Врангелю, мы убедились. Англия даже в деле эвакуирования беженцев определенно пожелала сохранить нейтралитет»; «А почему Европа не может существовать без России (взятой вне большевистского вопроса) — этого вероятно не знает даже тот, кто эту прекрасную фразу выдумал. Европа может существовать без чего угодно, и без России она существует уже три года, и кажется чрезмерного ущерба не чувствует» [13, № 10, с. 2]. Столь же несостоятельно и утверждение, что большевики не могут существовать без войны.

Первая полоса одиннадцатого номера, вышедшего 29 ноября, показывает, что ни той России, за которую шла борьба с большевиками, ни надежды на ее скорое возрождение нет. Об этом сигнализируют заголовки «После Крыма» и «Франкороссия».

В этом номере немного иначе выстраивается структура второй полосы. «Верхнюю» ее часть занимают публицистические статьи Василевского и А.А. Пиленко, а также развивающий ту же сквозную тему очерк А.М. Дроздова. Связь материалов можно проследить уже по заголовкам: «После Крыма» (Василевский) — «Что делать?» (Пиленко) — «Почему?» (Дроздов).

Произведения Тэффи и Бальмонта помещены на этот раз в «подвале» полосы. Тэффи в фельетоне «Странное явление» (с. 2) вновь пишет о падении Крыма. Паническое бегство от большевиков, с ее точки зрения, показывает отношение к новой власти:

Какой удивительный, какой странный этот русский народ!
Не правда ли?
Что это — нерасчетливость или повальное сумасшествие?

Прекрасная благоустроенная страна, возглавляемая мудрым правительством, неусыпно пекущимся о благе своих подданных и такое странное поведение сих последних! [13, № 11, с. 2].

Авторский сарказм подчеркивается за счет нарочито архаических формулировок, заимствованных из дискурса эпохи самодержавия, а затем Тэффи предлагает и вспомнить времена, когда, несмотря на рисуемые новой властью ужасы свергнутого режима, люди не стремились спастись от него бегством:

В былые времена, когда Россия изнемогала под гнетом самодержавия, ужасным наказанием считалась высылка за границу без права возвращения на родину. Страдальцы-эмигранты причислялись к лику святых мучеников [13, № 11, с. 2].

Сравнение эмигрантов прошлого и настоящего проецируется на сравнение царской власти и власти большевиков. Тэффи вспоминает самого знаменитого из русских эмигрантов XIX в. — Александра Герцена:

Вспомнилась мне одна из статей Герцена, где он рассказывает о каком-то либерально мыслящем человеке, который именно за эти мысли был арестован. Узнав об этом аресте, жена его от огорчения потеряла молоко, так что грудной ее ребенок захворал.

Герцен заканчивает описание всех этих ужасов восклицанием: «Будь же ты проклято, царствование Николая! Будь ты проклято!»

Не знаю почему, но в каком бы скверном настроении я ни была, как только вспомню эту историю, в особенности как дойду до места авторского негодования, — так сразу делается смешно, что не могу удержаться от улыбки.

Герцен, милый! Ленина бы тебе! Он бы тебе показал грудное молочко!

— Будь ты проклято, царствование Николая!!

Ну — невыразимо смешно! [13, № 11, с. 2].

Двенадцатый номер «Свободных мыслей» выходит 6 декабря 1920 г. — и на этом издание газеты вновь, как было уже не раз, прерывается. От «созвездия» литературных имен, которое привлекало читателей

в первых выпусках парижского издания, к декабрю уже практически никого не остается. В номере напечатаны произведения Д. Денисова / А. Ветлугина, А. Дроздова, Ник. Негорева, П. Рысса и старый рассказ А. Аверченко «Унылый человек».

Тэффи в последнем номере за 1920 г. не печатается, но история ее сотрудничества в «Свободных мыслях» не заканчивается. Год спустя Василевский предпринимает очередную попытку возродить газету. Два выпуска «Свободных мыслей» выходят в Париже 12 и 19 декабря 1921 г. — и вновь с «двойной» нумерацией — как № 1 (1437-й) и № 2 (1438-й). Печатаются в них как те, кто публиковался у Василевского в 1920 г. (А. Ветлугин, Дон-Аминадо, Дроздов), так и новые авторы, в том числе и хорошо известные в дореволюционной России Н.Я. Агнiewicz и А.С. Бухов.

В 1921 г. «Свободные мысли» гораздо больше походят на традиционную газету, нежели на созданный под занавес Первой русской революции Василевским «понедельник». Но редактор подчеркивает, что суть издания не меняется, что внешние перемены не означают перемен внутренних, что «Свободные мысли» остаются изданием внепартийным, но не беспринципным — на их страницах не будет места ни сторонникам большевиков, ни приверженцам реставрации монархии.

Стремясь привлечь читателей оригинальностью и парадоксальностью, Василевский помещает в первом номере «передовую» статью, в которой заявляется, что передовых статей в газете не было и не будет.

«Передовая статья в “Свободных мыслях” — это, конечно, резкое нарушение традиций. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как впервые возникла в Петербурге во дни I-ой Гос. Думы, “Думы Народного Гнева”, эта газета, и все эти годы “Свободные мысли” гордились тем, что передовых статей у них не было. У нас были резкие памфлеты, были яркие фельетоны, волнующие документы, неожиданные разоблачения, насмешливые стихи, но передовых статей у нас не было» [14, № 1, с. 1], — так начинается статья.

А заканчивается она тем, что в «Свободных мыслях» не будет «тяжелодумно-партийных передовых статей»:

Будут резкие памфлеты, и яркие фельетоны, и волнующие документы, и неожиданные разоблачения, и насмешливые стихи. Будет живая жизнь...

А передовых статей так-таки и не будет.

Извините! [14, № 1, с. 1].

Ради чего же публикуется эта «исключительная» передовая? Только ради оригинальности? Разумеется, нет. Василевский вспоминает историю своей газеты и объясняет ее «идеологию» — словами, вошедшими в историю русской культуры, литературы и общественной мысли благодаря названию книги Викентия Вересаева «Живая жизнь»:

Впадши в грех передовой статьи надо, очевидно, искупать этот грех предъявлением нашей «общественно-полезной мысли». Ну, что ж! — Слава живой жизни — вот главный лозунг наш.

Мы часто забываем о нашем достоинстве в эти дни изгнания.

— Выше голову! Мы вовсе не бедные родственники на чужой свадьбе. Мы дети великого народа. Мы равные среди равных среди народов Европы.

Слава живой жизни! Как бы тяжело ни складывались годы, она скоро выздоровеет, зацветет и заблестит, наша Россия.

Слава живой жизни! Как бы тяжелы ни были испытания, — мы, эмигранты, счастливы по сравнению с «оставшимися». И мы не имеем права терять бодрости и радости жизни.

Мы, не расстрелянные, «недорезанные буржуи», мы не имеем права кукусье и ныть. Иначе не дожить до иного и нового периода, который так нужен и нам, и России [14, № 1, с. 1].

Неожиданно прозвучавший в декабре 1921 г. гимн «живой жизни», призыв не терять бодрости и радости был созвучен тому, что стремилась передать во многих своих сочинениях Тэффи. Ее произведения помещаются и в первом, и во втором номере. И они существенно отличаются от большинства публикаций Тэффи в «Свободных мыслях» 1920 г. именно ощущением продолжающейся «живой жизни», яркими защитниками которой были в начале XX в. многие юмористы «новой волны» (см. об этом: [2]).

Опубликованный в первом номере фельетон «Из дневников ненаписанных» (с. 2) — своего рода краткая летопись русского парижского беженства, от прибытия в французскую столицу в 1920 г. («Наконец-то и мы в Париже») до конца года 1921-го («Наш Жорж хочет идти к Ш-янцу проситься

на место в собаки. Но все это вздор и наверное ничего из этого не выйдет. Чего ради? Жорж простой дворянин, даже не титулованный») [14, № 1, с. 2].

Казалось бы, фельетон полностью противоречит заявленному в предовой статье! Какая уж тут радость жизни, если эмигранты живо обсуждают, что в помойке «около хорошего дома можно найти и томаты, и пуговицы, и остатки консервов, и мало ли что еще!» [14, № 1, с. 2]. И все же он не о бесприютности беженцев вообще, а о тех, кто сперва жил исключительно расчетом на скорое возвращение в Россию, а теперь оказался за границей на положении хуже собаки и готов «проситься» на собачье место, но ничего не делал и не делает ради того, чтобы зажить новой, своей жизнью — пусть и в эмиграции. В этом рассказе рефреном — в разных вариациях — повторяется мотив, когда-то звучавший у Тэффи в рассказе «Даровой конь»: «Всех нас съедают квартиры, очень уж дорого»; «Прислуги нас съедают», «Масло нас съедает». Дореволюционный рассказ завершался предсмертной запиской героя, выигравшего лошадь в лотерею: «Никого не виню, если умру. Лошадь меня съела» [18, т. 1, с. 50]. И Тэффи не случайно обращается к мотивам дореволюционного рассказа: чтобы выжить, не надо рассчитывать ни на что даровое...

Фельетон «Коммерция», опубликованный во втором номере (с. 2), является полной противоположностью фельетону «Из дневников ненаписанных». Он не о России и не о русских беженцах, а о скандальном деле Ландрю, всколыхнувшем не только всю Францию, но и всю Европу. Тэффи пишет в русской газете, издающейся в Париже, о парижских событиях — и предлагает думать, говорить, спорить о том, что волнует не эмигрантов, а страну, в которой они живут. Первая же фраза фельетона выглядит пусть небольшим, но вызовом тем, кто продолжает держаться в новой стране обособленно:

...А мы, парижане, все еще живем делом Ландрю [14, № 2, с. 2].

Но сказать, что в нем вообще нет столкновения русских и французов, нельзя. Позиции французских присяжных здесь противопоставлена авторская позиция Тэффи, и от «коммерции» серийного убийцы она переходит к «коммерции» тех, кто ради наживы начинает войны:

И вот как раз во время огромной войны, вызванной самыми огромными коммерческими расчетами, — маленький Ландрю по тем же принципам вел свое маленькое коммерческое дельце.

Там мировое событие — здесь почти что событие у мирового.

Там все сплошь подвиги и герои. Здесь все целиком преступление и злодей.

Если бы Ландрю действовал не один, а в количестве тысячи вооруженных человек и своим коммерческим предприятием в тысячу печей облагодетельствовал бы тысячу семей, считалось бы это дело почтеннее? Сколько волос надо потерять, чтобы образовалась лысина? До какого размера можно уменьшить войну, чтобы инициаторы ее не пошли на гильотину? <...> Конечно, противно и грязно так заманивать, грабить, убивать. Но что поделать? Коммерция. *Tout n'est pas rose dans le métier* [14, № 2, с. 2].

Список литературы

Исследования

- 1 *Домогацкая Е.Г.* «В наше время для многих нормальнее умереть, чем жить»: Н.А. Тэффи и русский Париж в 1945–1947 гг. (по материалам газеты «Русские новости») // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. С. 200–209.
- 2 *Николаев Д.Д.* Аркадий Аверченко // Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты прозаиков. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 882–947.
- 3 *Николаев Д.Д.* Веселая карусель (Н.А. Тэффи в «Русском Слове») // *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений. М.: Лаком, 2000. Т. 5: Карусель. С. 5–22.
- 4 *Николаев Д.Д.* История одного городка // *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений. М.: Лаком, 1999. Т. 3: Городок. С. 5–16.
- 5 *Николаев Д.Д.* Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. С. 111–147.
- 6 *Николаев Д.Д.* Поэтика творчества И.А. Бунина 1920–1923 гг. // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Писатель в литературном процессе (К 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 683–767.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-683-767>
- 7 *Николаев Д.Д.* Трансформация «комизма нормы» в литературе русской эмиграции: столкновение культурных идентичностей в произведениях Н.А. Тэффи 1920 г. // *Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht: Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten. Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš / Herausgegeben von Ingeborg Jandl, Goran Lazičić, Marizela Reithofer Bektić und Dijana Simić.* Wiesbaden: Harrassowitz 2021. S. 171–188. (Die Welt der Slaven: Sammelbände. 66)
- 8 *Рыбинская Н.В.* Н.А. Тэффи — публицист газеты «Последние новости»: 1920–1940: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 205 с.
- 9 *Хейбер Э.* Смеющаяся вопреки: Жизнь и творчество Тэффи. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2021. 408 с.
- 10 *Haber E. Teffi: A Life of Letters and of Laughter.* London; New York: I.B. Tauris, 2018. 288 с.

Источники

- 11 *Бунин И.А.* Сочинения: Ночь отречения / общ. ред., сост., подгот. текстов Д.Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. 448 с.
- 12 Н.А. Тэффи в газете «Русские новости» (1945–1947) / публикация, вступ. заметка и примеч. Е.Г. Домогацкой // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: ИМЛИ–Наследие, 1999. С. 210–251.
- 13 Свободные мысли. Париж. 1920. № 1 (1424) (20 сент.) – № 12 (6 дек.).

- 14 Свободные мысли. Париж. 1921. № 1 (1437) (12 дек.) – № 2 (1438) (19 дек.).
- 15 Свободные мысли. СПб. 1907. № 1 (21 мая) – № 34 (31 дек.).
- 16 Свободные мысли. СПб. 1908. № 35 (7 янв.) – № 55 (26 мая).
- 17 Тэффи Н.А. В стране воспоминаний. Киев: LP Media, 2011. 256 с.
- 18 Тэффи Н.А. Контрреволюционная буква / сост. С. Князев. СПб.: Азбука-классика, 2000. 256 с.
- 19 Тэффи Н.А. Рысь. Берлин: Отто Кирхнер, 1923. 173 с.
- 20 Тэффи Н.А. Собр. соч.: в 7 т. / сост. и подгот. текстов Д.Д. Николаева и Е.М. Трубиловой, вступ. ст. и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 1997–2006.

References

- 1 Domogatskaia, E.G. “‘V nashe vremia dlia mnogikh normal'nee umeret', chem zhit'”: N.A. Teffi i russkii Parizh v 1945–1947 gg. (po materialam gazety ‘Russkie novosti’) [“‘Nowadays It Is More Normal for Many to Die Than to Live’: N.A. Teffi and Russian Paris in 1945–1947 (Based on the Materials of the Newspaper ‘Russkie Novosti’)”. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX veka* [N.A. Teffi’s Works and the Russian Literary Process of the First Half of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 1999, pp. 200–209. (In Russ.)
- 2 Nikolaev, D.D. “Arkadii Averchenko” [“Arkady Averchenko”]. *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov: Portrety prozaikov* [Russian Literature of the 1920s–1930s: Portraits of Prose Writers], vol. 1, book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 882–947. (In Russ.)
- 3 Nikolaev, D.D. “Veselaia karusel’ (N.A. Teffi v ‘Russkom Slove’)” [“Merry-go-round (N.A. Taffy in the ‘Russkoe Slovo’ Newspaper)”]. Teffi, N.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 5: Karusel’ [Merry-go-round]. Moscow, Lakom Publ., 2000, pp. 5–22. (In Russ.)
- 4 Nikolaev, D.D. “Istoriia odnogo gorodka” [“The History of a Town”]. Teffi, N.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 3: Gorodok [Town]. Moscow, Lakom Publ., 1999, pp. 5–16. (In Russ.)
- 5 Nikolaev, D.D. “N.A. Teffi i russkie periodicheskie izdaniia v Chekhoslovakii” [“N.A. Teffi and Russian Periodicals in Czechoslovakia”]. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX veka* [N.A. Teffi’s Works and the Russian Literary Process of the First Half of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 1999, pp. 111–147. (In Russ.)
- 6 Nikolaev, D.D. “Poetika tvorchestva I.A. Bunina 1920–1923 gg.” [“Poetics of I.A. Bunin’s Works. 1920–1923”]. *Literatura russkogo zarubezh'ia. 1920–1940. Pisatel' v literaturnom protsesse (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Bunina)* [Literature of the Russian Exile. 1920–1940. Writer in Literary Process (To the 150th Anniversary of I.A. Bunin’s Birth)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 683–767. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0685-7-683-767> (In Russ.)

- 7 Nikolaev, D.D. "Transformatsiia 'komizma normy' v literature russkoi emigratsii: stolknovenie kul'turnykh identichnostei v proizvedeniiakh N.A. Teffi 1920 g." ["Transformation of the 'Comic Norm' in the Literature of Russian Emigration: The Clash of Cultural Identities in N.A. Teffi's Works of (1920)"]. *Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht: Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten. Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš*, Hrsg. von Ingeborg Jandl, Goran Lazičić, Marizela Reithofer Bektić und Dijana Simić. Wiesbaden, Harrassowitz, 2021, pp. 171–188. (Die Welt der Slaven: Sammelbände. 66) (In Russ.)
- 8 Rybinskaia, N.V. N.A. Teffi — publitsist gazety "Poslednie novosti": 1920–1940: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk [N.A. Teffi — Publicist of the Newspaper "Poslednie Novosti": 1920–1940: PhD Dissertation]. Moscow, 2005. 205 p. (In Russ.)
- 9 Haber, Edythe. *Smeiushchaiasia vopreki: Zhizn' i tvorchestvo Teffi* [Laughing in Contrary: The Life and Works of Teffi]. Boston, St. Petersburg, Bibliorossika Publ., 2021. 408 p. (In Russ.)
- 10 Haber, Edythe. *Teffi: A Life of Letters and of Laughter*. London, New York, I.B. Tauris, 2018. 288 p. (In English)